

Комментарии к "Бесам"

Критика 70-х гг. XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. С. Ф. Дмитренко.-- М.: ООО "Издательство "Олимп""; "Издательство "АСТ", 2002 (Библиотека русской критики)

[OCR Бычков М. Н.](#)

<...> Я только на днях прочитал его последний роман "Бесы", уже в отдельном издании, и по прочтении мне пришел в голову следующий вопрос: отчего г. Достоевский не напишет романа из европейской жизни XIV--XVI столетия? Какое ведь там обширное поприще представляется для его блестящего психиатрического таланта (иначе я не могу назвать талант г. Достоевского). Все эти бичующиеся, демономаны, ликантропы¹, все эти макабрские² танцы, пиры во время чумы и проч., весь этот поразительный переплет эгоизма с чувством греха и жаждой искупления, -- какая это была бы благодарная тема для г. Достоевского. Мне почему-то вспомнился Декамерон, и я уже сравнивал игривые и легкомысленные арабески Боккаччо с тем, как воспользовался бы этой темой г. Достоевский. Но я очень быстро оборвал нить этих соображений и едва не вскрикнул: "ах я телятина!" С какой в самом деле стати г. Достоевскому заниматься таким далеким временем и такими чужими делами? Просто мне глупость пришла в голову. Какие тут макабрские танцы и шабаши ведьм, с чего? Это так. Но почему бы не воспользоваться г. Достоевскому такими моментами, как, например, наше масонство? Может быть, из декабристов нашлись бы для него подходящие фигуры. Или вот, например, "духовный союз" Татариновой³, или история Грабящей⁴. Да и вообще царствование Александра I и начало царствования Николая Павловича так и просятся под перо г. Достоевского. Если наконец и это для него слишком отдаленное время, то он и нынче может найти благодарнейшие мотивы в некоторых раскольничьих сектах, в монастырской жизни, наконец в спиритизме. Я видал всего одну только спиритку, но положительно говорю, что лучшего материала г. Достоевскому не найти.

Однако, это становится любопытно. Как ни верти, а г. Достоевский точно намеренно обходит все те темы, которые дали бы ему возможность развернуть свой блестящий талант. Скажут, может быть, что перечисленные темы требуют особого, специального изучения. Это правда. Но, спрашивается, изучал ли г. Достоевский те темы, которые им эксплуатируются, и принадлежат ли они фактически к числу тем, преимущественно для его таланта пригодных? Небезынтересно рассмотреть это дело несколько поближе. Замечу на всякий случай, что я очень уже давно читал старые произведения г. Достоевского и только "Мертвый дом" помню с достаточно отчетливостью. Материалы для моей беседы с г. Достоевским ограничиваются "Преступлением и наказанием", "Бесами" и "Дневником писателя". Было бы очень любопытно проследить весь ход развития идей и таланта г. Достоевского; но я должен отказаться от этой интересной задачи.

Можно с различных точек зрения различно классифицировать многочисленные действующие лица нового романа г. Достоевского. Но я попробую разделить их на несколько категорий с точки зрения отношения к ним г. Достоевского *как писателя*, причем и выяснятся особенности его таланта.

Мы найдем в "Бесах", во-первых, несколько фигур, сделанных очень топорно и вовсе г. Достоевскому не принадлежащих. Это молодые люди, говорящие: "нынче нет привидений, а естественные науки"; девушки, разъезжающие из города в город, "чтоб заявить о страданиях несчастных студентов и возбудить их повсеместно к протесту", и т. п. Эти шаблонные образы, играющие в романе последнюю роль, автором не продуманы и не прочувствованы, а взяты на прокат у гг. Стебницких и Ключниковых⁵. Некоторое исключение, впрочем, составляют более или менее самостоятельно отделанные и потому более или менее человекообразные фигуры жен Шатова и Виргинского. Всю эту группу г. Достоевский окрещивает именем "идеи, попавшей на улицу".

Затем идет ряд образов, принадлежащих г. Достоевскому наравне с другими русскими беллетристами. Они, разумеется, очень разнообразны по поэтической концепции, по своей нравственной идее, по роли, занимаемой ими в романе, и проч. Но я их ставлю в одну категорию потому, что всем им можно подыскать параллели в произведениях других наших романистов и все они в то же время суть самостоятельного создания г. Достоевского. Например, тип идеалиста сороковых годов эксплуатировался у нас весьма часто. Г. Достоевский берет его, но берет с некоторых новых сторон и потому придает ему

А